

После смерти сына Ольга и Алексей почти не общались. Все напоминало о прошлом, которое не хотелось вспоминать. Муж и жена стали совершенно чужими. Но волей случая Ольга и Алексей снова оказываются вместе: в заброшенном доме, спасаясь от лютой февральской бури. Один на один со стихией. Один на один с невысказанной болью. И каждый боится сделать шаг навстречу. Но еще не поздно. Каждый имеет право на ошибку. И каждый имеет право ее исправить. Только какой ценой?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6081-8

9 786171 260818

ГЕОРГИЙ ЛАНСКОЙ ПРАВО ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ

ГЕОРГИЙ ЛАНСКОЙ ПРАВО ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ

ГЕОРГИЙ ЛАНСКОЙ

ГЕОРГИЙ ЛАНСКОЙ

ПРАВО
ПОСЛЕДНЕЙ
НОЧИ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Л22

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-6081-8

- © Бесмельцев Ю. А., 2019
- © DepositPhotos.com / carlo-dapino, Iakov, Wavebreak-media, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб семейного досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб семейного досуга», художественное оформление, 2019

Выпуск новостей традиционно завершался прогнозом погоды. Затянутая в элегантный костюм красотка, старательно тараща глаза, водила руками по виртуальной карте и пугала надвигающимся циклоном.

Ольга отвернулась от экрана телевизора и с вялым безразличием посмотрела в окно.

И небо было не небо. Серое недоразумение. Тяжелые тучи без единого просвета низко висели над горизонтом, а в прорехи уже сыпался снег. Синоптики на сей раз не подкачали, угадав погоду аж на три дня. Впрочем, если она не меняется, ничего удивительного тут нет.

Все это как нельзя более точно отвечало Ольгиному настроению. Еще ни разу ей не довелось приехать в когда-то родной, а теперь чужой, проклятый всеми богами город в ясный солнечный день. В этом скрывалась то ли ирония судьбы, то ли сочувствие матери-природы, то ли нездоровый мазохизм. Ольга склонялась к последнему, потому что выбрать для ее, по сути, никому не нужного ритуала еще менее подходящее время, чем середина февраля, было сложно. Каждый раз она обвиняла себя в черствости и бессердечности. И тут же отгоняла трусливые мысли, снова вспоминая о сыне.

В течение этих трех лет не было ни дня, чтобы Ольга о нем не думала...

Сборы много времени не заняли. Подумаешь, однодневная поездка. Четыре часа в одну сторону, столько же в другую. И какое-то время там... Покидав в дорожную сумку вещи, она сварила кофе, добавив туда изрядную порцию коньяка, и забралась с ногами на табурет, доедать остывшую яичницу, отвратительную, скользкую, с привкусом сала.

Муж, перекочевавший в категорию «бывших», был холоден и не знал жалости. Он наверняка не мучился, как она. Во всяком случае, хотелось думать именно так. В той боли и тоске, что съедали ее без остатка, нужно было кого-то обвинить, и муж подходил для этого лучше всего. Чем меньше времени оставалось до дня обязательного ритуала, тем сильнее Ольга ненавидела Алексея и жалела себя. Наверное, потому, что пожалеть ее было некому.

Утро медленно и неохотно вступало в свои права, как всегда это случается зимой. Просыпающийся город гудел автомобильными клаксонами, подмигивал огнями светофоров. В доме слышались голоса проснувшихся людей. Гремел лифт, хлопали двери. Оттого, что там, за закрытыми дверями, вовсю кипит чужая, равнодушная к постороннему несчастью жизнь, хотелось выть. Телевизор бодро журчал ненатурально-веселыми голосами дикторов, и Ольга раздраженно выключила его, не желая, чтобы в этот день ее отвлекали от тщательно взлеянного горя.

Бывший, чурбан бесчувственный, этого наверняка не испытывал. В дороге Алексей преимущественно молчал,

а если приходилось обращаться к экс-супруге, от его тона веяло таким холодом, что в прежние счастливые времена она бы умерла от страха. А сейчас Ольге было все равно, что и как муж говорит. Она нисколько не сомневалась, что Алексей ненавидит ее так же сильно, как и она его. Удивительно, что они уже трижды ездили в город похороненной семейной жизни, и даже ни разу не поссорились, старательно залепив лейкопластырем боль и взаимную неприязнь.

Ни она, ни он не пытались вспоминать, как когда-то любили друг друга. И это единодушие Ольгу вполне устраивало. И когда на столе запрыгал сотовый, она подумала лишь о том, что целый день ей придется провести с человеком, испытывающим к ней жгучую ненависть.

Стоило снегу под ногами громко захрустеть, Ванька останавливался и пугливо озирался по сторонам. Каждый раз он ругал себя последними словами и клялся делать это незаметно. Ну кому придет в голову подглядывать за ним сейчас?

Двадцать шагов до забора. Двадцать пять до угла. По пути обязательно проверить печать на тяжелом замке, как велит инструктаж, но Ванька не собирался этого делать. Чего ее проверять каждые пару минут, если вокруг — никого, а проникнуть на продовольственный склад можно только через единственную дверь, над которой висит яркий, раскачивающийся на ветру фонарь. В караулке дрыхнет дежурный и остальные срочники, один из которых должен будет сменить его на посту. Недалеко от караулки в бетонном заборе скрыта дыра. Летом и в начале осени солдаты бегают через нее «на гражданку»:

в круглосуточный ларек на станции или пошарить на пустующих дачах. Но сейчас, зимой, на дачах делать нечего, да и сгонять в ларек охотников не находится.

Сегодня Ванька вообще-то не должен был заступать в караул, но старшина застукал его спящим и решил наказать. Слабая надежда на санчасть тоже испарилась, хотя Ванька чувствовал идущий циклон, как все гипертоники. Врач, выслушав его торопливые жалобы, криво ухмыльнулся, вынул из ящика стола пластинку анальгина, разломил таблетку пополам и протянул Ваньке.

— Эту половинку выпьешь утром. Эту — вечером. Смотри не перепутай.

И еще хохотнул, мол, зацени, салага, суровый армейский юмор.

Ванька таблетку взял, хотя прекрасно знал: толку от нее не будет. С середины осени и почти до конца весны парня мучила мигрень, от боли хотелось выть. С таким диагнозом в военкомате должны были сразу выдать белый билет, но по большому счету до призывников никому нет дела. Не помогла ни пухлая медицинская карта, ни мольбы матери, доказывающей, что мигрень — это наследственное, память о папашке-негодяе, бросившем семью. На медкомиссии мать выслушали без особого интереса и рассказом не впечатлились. Вот уже больше полугода Ванька ходил в строю, горланил дурным голосом старые армейские песни, потел на полосе препятствий да еще минимум раз в месяц, облаченный в тяжелый тулуп и валенки, с автоматом на ремне охранял склады. Это было, пожалуй, самое неприятное. В холодную погоду бродить вокруг одного и того же склада — занятие не из легких, да и старшина, удод и гоблин, по-

ставил его в самую неудобную вторую смену, но сегодня, страдая от мигрени, Ванька не возражал.

Голова болела с самого утра, а под вечер даже легкое прикосновение к ней вызывало жгучую тошноту, верный признак приближающейся непогоды, затяжных вьюг и снегопада.

Ванька тяжело задышал ртом и даже распустил завязки форменной шапки, а потом, сорвав ее с гудевшей головы, с наслаждением подставил лоб пронизывающему ветру, не заботясь о том, что простудится и завтра ляжет. Что угодно, лишь бы сейчас притупить эту тошнотворную боль. Сняв тяжелые трехпалые армейские рукавицы, он неуклюже нагнулся в своем тяжелом тулупе и зачерпнул ладонью снег. Разделив его на две неровные кучки, Ванька стиснул зубы и прижал рассыпчатые холодные комья к вискам.

Эх, Анька, Анька, как же ты могла, сука...

Звонить домой получалось редко. Старенький мобильник у него отобрали еще в первую неделю. Потом мать прислала другой, самый простой и дешевый, добавив немудреные гостинцы: банку варенья, сигареты и шерстяные носки. Пополнять баланс ей приходилось самой. Ванькиным телефоном пользовались все кому не лень, отчего деньги на счету заканчивались с катастрофической быстротой. Старшина зверствовал, отбирал мобильные, вопя что-то о военной тайне. Ванька фыркал: можно подумать, воинскую часть нельзя было разглядеть со спутника. Вон, в том же Яндекске ткни в пару кнопок и смотри сколько влезет, где ангары с техникой, где штаб, а где клуб. Так что сотовые погоды не делали. Тем не менее, обнаружив у срочника телефон, старшина отбирал его, уносил

в свою каптерку и никогда не возвращал. Приходилось прятать мобильники и пользоваться ими тайком.

Три дня назад он позвонил домой. Мать обрадовалась, засыпала его дежурными новостями, но Ванька быстро прервал ее радостный щебет вопросом: чего ж любимая не звонит, не пишет? Мать стушевалась, сослалась на незнание, однако Ванька, нутром почуяв неладное, стал настаивать.

— Замуж она выходит, — нехотя призналась мать.

Ванька сглотнул, а потом хрипло поинтересовался:

— За кого?

— Да за этого, Димку малахольного, дружка твоего, — досадливо ответила мать. — Родину не пошел защищать, поганец, и девку у лучшего друга отбить не постеснялся...

— Да как же так? — беспомощно произнес Ванька и сел на кровать, хотя по уставу делать это в дневное время строго запрещалось. — Она ведь в прошлом месяце звонила, говорила, что ждет, любит...

— Ждет! — фыркнула мать. — Да она с ним сразу ходить стала, едва тебя забрали. В общем, ни минуточки тебя не ждала, шалава малолетняя. Я ведь чуяла, не выйдет из этой поганки ничего путного. Нинка, мать ее, говорит, что свадьба — дело решенное. Ничего тут не попишешь, потому как Димка Аньку обрюхатил.

— Обрюхатил? — медленно повторил Ванька.

— А она и не сопротивлялась. Нинка, как узнала, сразу к Димкиным родителям пошла и сказала: пусть женятся, а иначе посажу я его, потому как кровиночка моя — несовершеннолетняя. Ну, тем деваться некуда. Аньке-то и правда всего семнадцать. В общем, свадьба скоро у нее, сыночек. Ты уж сильно не расстраивайся там...

Ванька и не расстраивался. Он был в бешенстве.

Отступившая было боль вдруг выкинула острое жало и пронзила висок насквозь. Ванька застонал и задышал, как уставший пес. Чтобы не дать мигрени окончательно восторжествовать над ним, он снова сдернул шапку и приказал себе думать о чем угодно, только не о спутавшейся с лучшим дружком предательнице Аньке. Но мысли о ней настойчиво лезли в голову. Да, в то время, как он мерзнет у продовольственного склада, эта парочка, наверное, лежит в теплой постели, сонно ласкаясь друг к другу. Может даже похохатывают над наивным дурачком Ванькой Лыткиным, поверившим в дружбу и любовь.

Двадцать пять шагов до угла, двадцать — до забора. Автомат елозил по спине, и Ванька поправил ремень. Три дня он жил как в бреду, представляя этих двоих, довольных, счастливых, готовящихся к свадьбе, на которую его, лучшего друга и бывшего парня, конечно же, не пригласят. Днем строевая подготовка, стрельбы и уборка территории отвлекали от тяжелых мыслей. Но по ночам, мучаясь от усиливающейся мигрени, Ванька все время видел лица изменников, грыз зубами подушку и подвывал от тоски.

Автомат снова сполз с плеча. Ванька поправил ремень.

Застрелиться, что ли?

Это ведь так просто — исчезнуть. Снять АКС с предохранителя, передернуть затвор, а потом, уперев холодный ствол в острый подбородок, нажать на курок, как сделал малознакомый солдат из второго взвода два месяца назад. Ванька тогда тоже был в карауле и буквально перед самым подъемом, в пять сорок пять утра услышал неподалеку короткое «тра-та-та». А потом, спустя полчаса, мимо прогрохотали ботинками четыре амбала,

которые несли на плащ-палатке безвольно болтающееся тело с развороченной головой. Напрямик через плац солдаты потащили тело в санчасть, словно самоубийцу еще можно было спасти. А у того из горла хлестала кровь, стекая на асфальт, и Ванька, застывший от ужаса, прекрасно понимал: ничего тут уже не поделаешь.

Дошагав до угла, он бегло взглянул на запертые двери склада и подумал: чего же тот парень застрелился? Может, его тоже бросили, безжалостно, с циничной усмешкой?

Сняв с плеча автомат, Ванька задумчиво посмотрел на отливающее черным оружие, отстегнул магазин и зачем-то проверил, есть ли там патроны, хотя точно знал — есть. Примкнув магазин обратно, он поднял автомат стволом вверх и прижал к его подбородку.

Холодная сталь обожгла кожу, и это на мгновение отрезвило его.

И что потом? А никакое «потом» для него не настанет. Будет гроб, похороны и рыдающие родители. Только двое предателей не узнают, что все произошло из-за них. Хотя, даже если и узнают, лишь плечами пожмут и станут жить дальше, растить ребенка, катать его в коляске по парку, фотографировать, покупать игрушки. А он, Ванька Лыткин, будет лежать в земле. Чудовищная несправедливость! От этой мысли несчастная голова взорвалась новым приступом ослепляющей боли. Вскрикнув, Ванька, не разбирая дороги, бросился вперед, к бетонному забору, где под метровым слоем снега скрывался лаз наружу, хорошо известный всем солдатам.

Ключи от машины, разумеется, пропали. Вместе с телефоном. Только что лежали на полочке в прихожей,

и словно корова языком слизнула. Алексей задумчиво почесал затылок, в третий раз выдвинул ящик тумбочки, удостовериться, что ключей и телефона там нет.

Даже после ритуального третьего раза пропажа не обнаружилась. Пока он будет искать ключи, город завязнет в пробках, а Ольга придет в бешенство, начнет названивать и говорить гадости своим хорошо поставленным голосом. Алексей, естественно, ответит. В результате весь день от обоих будут лететь искры, и бог знает, чем все закончится...

Кстати, хорошая мысль насчет звонка...

— Лика, набери меня, — приказал он. — Телефон куда-то засунул...

Анжелика сидела на краешке кухонного стола и старательно дула губы, всем своим видом показывая, как она недовольна происходящим, ненавязчиво демонстрируя при этом и длину умопомрачительных ног, и волнующий вырез шелкового халатика. Все это на особой мужского рода производило сильное, а точнее, убойное впечатление. Вот и он, сейчас мечущийся по квартире, в свое время повелся, как щука на блесну, заглотнул приманку, глазом не моргнув. А что было делать, когда от тоски хотелось лезть на стену, и только работа худо-бедно заставляла отвлекаться.

Именно там, на работе, Алексей встретил Анжелику, явившуюся в отдел кадров наниматься секретаршей. Белокурое чудо с порога ослепило улыбкой, надеясь, что руководство компании это оценит. Так все и произошло.

Конечно, Анжелика рассчитывала, что и теперь Алексей оценит ее очарование и останется. И вообще, что это за мода оставлять молодую красивую девушку в квартире

одну и мчаться в другой город, да еще в компании с бывшей женой?

— Леш, а может, ты все-таки не поедешь? — капризно сказала она. — Ну, в самом деле, что за срочность?

— Лика, где твоя мобила? Ну набери меня, я ж просил! — произнес Алексей, не поворачиваясь и старательно не замечая выставленной напоказ неземной красоты. За ним водилась такая черта: уходить от неприятных разговоров, резко меняя тему. Но Анжелика быстро его раскусила и не давала спуску, долбя в мозжечок надоедливым дятлом.

— Леш, туда ведь можно в любое другое время поехать, верно? Почему именно сегодня? Девочки придут со своими кавалерами, а я опять одна, да?

Настырность Анжелики его часто раздражала, как, впрочем, и ее претенциозное имя, подходящее, скорее, какой-нибудь шлюхе из второсортного кабака. Алексей всегда называл любовницу исключительно Ликой, поскольку маркизу ангелов из саги супругов Голон он в ней решительно не видел, а имя Анжела ассоциировалось у него с дебелий лошадей из старого детского мультфильма. Была там такая королева манежа, зубастая, мосластая, мгновенно оттеснившая незадачливую конкурентку. Ну, в самом деле, какой нормальный человек назовет свою дочь Анжеликой или, того хлеще, Снежаной? Дикость какая!

В постели Лика была хороша, ничего не скажешь, просто пантера. Правда, от ее активности Алексея часто «укачивало». Но когда тебе под сорок, а твоей партнерше едва двадцать, приходится делать усилия над собой, чтобы «соответствовать».

Он старательно соответствовал, Лика радовалась и хвасталась им перед подругами, такими же блондинистыми красотками, словно сошедшими с конвейера живых Барби. Но старая рана под сердцем, двойной удар отравленного клинка, все не затягивалась, и никакие ухищрения любовницы не могли ему помочь.

Первый удар нанесла судьба. Второй — жена. Когда-то любимая до невозможности, а теперь чужая, озлобившаяся и дикая. Их общий и теперь уже мертвый сын когда-то придумал крайнюю степень невозможности.

— Очень сильно невозможно, — говорил он, закатывая лисьи глаза, и залиvisto хохотал, так, что были видны все зубы. И теперь жена «очень сильно невозможно» ненавидела Алексея.

Первые месяцы после потери оба, отупев от горя, еще как-то могли находиться друг рядом с другом, хотя в общей постели откатывались к краям, стараясь не прикасаться к враждебной территории, а потом нарыв прорвался. Что происходило тогда, Алексей вспоминать не любил, но и забыть никак не получалось.

Наверное, виной стал разговор, во время которого жена ровным тоном сказала нечто ужасное, и он, не дождавшись, пока она закончит фразу, ударил ее по лицу, да так, что едва не свалил на пол, с трудом подавив желание подняться и начать пинать жену ногами. Ольга, держась рукой за пылающую щеку и неприятно клокоча горлом, смеялась до тех пор, пока Алексей в бешенстве не выбежал прочь.

Самое ужасное — он знал, что жена лжет, а выплеснутые ему в лицо слова по определению не могут быть правдой, ведь он разговаривал с врачами. Тем не менее,

зная правду, Алексей не мог ни простить, ни забыть, и, вероятно, именно тогда зародился этот пульсирующий ком неприязни и желание поставить точку.

Ее поставила Ольга.

Однажды, придя домой, Алексей споткнулся о непонятный ком тряпья, бросился вперед, думая, что в квартире воры, и обнаружил жену, которая с остервенением выкидывала из шкафов вещи, не заботясь о том, что от резких движений трещат швы и отлетают пуговицы. Ольга исподлобья взглянула на мужа и одним движением сбросила с полки его майки, сложенные аккуратной стопочкой.

— Я тебя ненавижу, — сказала тогда жена. — Господи, как же я тебя ненавижу!

Алексей тупо смотрел на кучу барахла и думал: куда деться? К кому идти? Но оказалось, что жена не выставляла его, а уходила сама. Алексей целых пять минут стоял у окна, наблюдая, как Ольга перетаскивает свой скарб в такси, но так и не вышел помочь.

Они подали на развод, однако в день суда почему-то синхронно не явились на заседание, словно страшась разрубить последнюю связывающую их ниточку. Не сговариваясь, переехали в соседний город. А потом снова настал февраль, и кто-то из них — Алексей не помнил, кто именно, — стал инициатором поездки на родину, к серой плите с мальчишеским фото в круглой виньетке.

Сегодняшняя поездка должна была стать третьей по счету.

— Леш, а давай вместе поедем? — предложила вдруг Лика, и он тут же насторожился.

— С чего вдруг?

— А что такого? — возмутилась она. — У нас, в конце концов, серьезные отношения. И я вполне понимаю, что ты чувствуешь.

— Лика, ты не можешь меня понять, — оборвал он. — Потому давай эту тему больше не поднимать, хорошо? Ты наберешь меня, наконец?

— Хочешь сказать, я такая бессердечная? — возмутилась Лика. — Ты вспомни, как я рыдала, когда сдох Пуся.

Алексей вздохнул и, не разуваясь, прошел в гостиную, взял трубку городского телефона и набрал номер своего мобильного. Вскоре из прихожей послышалось знакомое пиликанье, приглушенное, но отчетливое. Лика вышла из кухни и встала на пороге, хмурия брови. Алексей мягко отодвинул ее в сторону.

Пуся... Нашла с чем сравнить.

Как только Анжелика переехала к нему, она притащила с собой клетку с уморительным, но невероятно вонючим хомяком, практически без остановки крутившимся в своем пластмассовом колесе. Пуся принимался терзать прутья клетки с раннего утра, требуя еды, и частенько заниматься им приходилось именно Алексею. Прожив в новом доме около полугода, хомяк скончался, и Анжелика тогда действительно проплакала несколько часов, а потом хотела пулей лететь в зоомагазин за другим питомцем, но Алексей решительно воспротивился.

Держа в руках трубку, он обшарил взглядом прихожую. Откуда доносится звук?

Телефон вместе с ключами обнаружился в кармане Ликиной курточки. Алексей мог дать голову на отсечение, что сам он даже вдребезги пьяный не засунул бы

ключи от машины в ее куртку. Лика наблюдала за ним с невинным лицом.

— Леш, пойми, это неправильно. У тебя тяжелая ситуация. И вообще, все эти поездки с твоей бывшей... Ты всегда возвращаешься злым, усталым, на меня не обращаешь внимания. Я думаю, что дружеское плечо в такой день совсем не повредит. Во всяком случае, она не станет на тебя нападать в моем присутствии.

Он поморщился.

Лика, посещавшая какие-то курсы психологов, иногда выражалась столь вычурно и фальшиво, что хотелось дать ей в зубы, но приходилось сдерживаться и напоминать себе, что девочка, по большому счету, не виновата, что получила теперешнее образование с его непонятными ЕГЭ и прочими тестированиями, заменившими привычные экзамены. Упомянутая Ликой Ольга, даже плюясь ядовитым сарказмом, кстати, разговаривала совершенно иначе. Интонации, во всяком случае, были вполне искренними.

— Она на меня и так не нападает, — холодно сказал Алексей, безотчетно защищая бывшую.

Лике это сразу не понравилось. Она скривилась и даже одну бровь подняла, думая, что такая мимика делает ее похожей на Анджелину Джоли. Та тоже все время бровями дергает и загадочно улыбается.

— Да ла-адно? Так уж и не нападает?

— Вот тебе и ладно.

— А почему ты тогда возвращаешься аж зеленый от злости?

— Лика, чего ты добиваешься, а? — раздраженно спросил Алексей. — Чтобы я куда не поехал? Или чтобы взял тебя с собой и потом всю дорогу разнимал двух

бешеных кошек? Я что, плохо тебя знаю? Если вас свети вместе, пыль до потолка полетит. Ты же непременно скажешь какую-нибудь гадость.

— Конечно, скажу, — не моргнув глазом ответила Лика с неким самодовольством. — Например, что ей давным-давно пора дать тебе развод. А тебе — давно его попросить. Но ты же, блин, такой деликатный! Охренеть просто какой.

— Перестань.

— Что перестать? Ты так трепетно оберегаешь чувства своей бывшей, что не хочешь подумать ни о себе, ни обо мне. Между прочим, ты тоже потерял ребенка. Но разве она это понимает? Нет, она думает только о себе и не хочет тебя отпустить. Вцепилась, как бультерьер, и держит.

— Никто меня не держит, — сурово сказал Алексей. — Просто не было случая поговорить.

— Ну так поговори сегодня! — запальчиво крикнула Лика. — Докажи, что ты мужик, в конце концов. Или тебе слабо? Тогда я поговорю.

— Представляю себе! — усмехнулся он.

— Нет, даже не представляешь, — неожиданно серьезно ответила Лика.

От ее тона явственно повеяло угрозой, но Алексею было наплевать. Он торопливо натянул короткую дубленку, похлопал себя по карманам, проверяя, не оставил ли ключи на этот раз, и, притянув Лику к себе, чмокнул в тугую щеку. От ее волос пахло ванилью и чем-то цветочным. Алексей с удовольствием втянул ноздрями привычный запах, но Лика начала брыкаться, пришлось ее выпустить.

— Все, малыш, я помчался.

— Давай-давай, — презрительно бросила Лика. — Не удивляйся, если к твоему возвращению меня тут не будет.

— Не выдумывай.

— Я и не выдумываю. Я сказала, ты услышал.

— Вот и не выдумывай. Приеду — поговорим, обещаю, — строго сказал Алексей и на секунду замер у двери, ожидая, что она все же подойдет и поцелует его на прощание. Но Лика не сдвинулась с места. Едва заметно вздохнув, Алексей вышел из квартиры, чувствуя, как ноет в животе от нехорошего предчувствия.

От злости Лике хотелось кричать, но она молча стояла у двери еще пару минут, сохраняя на лице приятную улыбку, и только когда во дворе зафырчала отъезжающая машина, с силой пнула пуфик и направилась в гостиную. Там она забралась на диван с ногами и, прикрыв их скомканным пледом, мрачно уставилась в пустой экран телевизора.

Все шло совсем не так. Не по плану. А планы у Лики всегда были наполеоновскими.

Она родилась в маленьком райцентре и, едва закончив школу, бросила опостылевший дом с огородом в шесть соток и мальвами в палисаднике. Без всякого сожаления рассталась с кавалером в спортивных штанах, сплевывающим через щербину в зубах и посасывающим пиво из банки. С кавалером Лика таскалась, скорее, от безысходности, потому что лучшего варианта все равно не было. Они совершенно друг другу не подходили. Слишком уж простецким был парень рядом с ней, утонченной, изящной, как ей нравилось о себе думать.

Родители, провожая чадо в большой мир, снабдили ее, как д'Артаньяна, всем лучшим, что имелось в доме, надеясь, что дочь оправдает их надежды и поступит, скажем, в аграрный техникум, а потом вернется в родной городок большим специалистом.

У Лики хватило ума не посвящать близких в свои планы. В них не было места ни техникуму, ни длительной учебе, ни тем более серьезной работе. Потому, проскакав на кочках в желтом автобусе три часа, Лика приехала в областной центр, вместе с парой подружек сняла убогую комнатку и пошла на курсы секретарш, справедливо рассудив, что кукольная внешность поможет ей пробиться в жестоком мире мужчин.

В глубине души Лика считала себя даже не Золушкой, приехавшей покорять крупный город, а одной из фей, воздушных, утонченных. Феи, как известно, всю работу выполняют по мановению волшебной палочки, а потом летят по своим делам: пить нектар из цветов и танцевать под радугой.

Странно, но мечты осуществлялись туго. Они напоминали шоколадку, которую надкусили, а потом безжалостно вырвали изо рта, да еще и засунули на высокую антресоль. И видит око, да зуб неймет. Мужчины порхали вокруг жирными мотыльками, но никто не предлагал ничего лучше одноразовой встречи в ресторане со всеми вытекающими последствиями.

— Дура, — говорила мосластая Зойка, приехавшая вместе с ней «поступить». — Чего кочевряжишься? Подумаешь, потрахаться придется. Зато наверняка и за границу свозят, и денег отсыпят...

Ли́ка только усмехалась. Предпочитая творчеству Дюма глянцевые журналы, она инстинктивно выбрала путь нахального гасконца, предпочитая «продаться подороже». Зойке такое точно не светило с ее-то лошадиной физиономией, громогласным хохотом и жуткими манерами. Глядя на подружку, Ли́ка чувствовала себя невероятно аристократичной.

Знакомство с Алексеем было почти волшебством. Ли́ка серьезно думала, что выиграла в лотерею. Еще не старый, приятный мужчина с жестким лицом и хищным взглядом легко купился на ее чары, и спустя каких-то десять дней Ли́ка бросила только что приобретенную работу и переехала к боссу в качестве спутницы жизни. Теперь она могла позволить себе смотреть на подружек свысока и небрежно хвастаться новым шмотьем, украшениями и поездками за границу.

Первые полгода было именно так, а потом волшебная палочка феи дала сбой.

Выяснилось, что принц много и тяжело работает, а после трудового дня хочет полежать на диване и — что самое ужасное — пожрать. Причем не изысканные роллы или суши, которые Ли́ка весело заказывала в ресторанах, а прозаический борщ, вульгарные жирные котлеты, а еще лучше — жареные ребрышки. Нанимать кухарку Алексей не собирался и преспокойно возложил обязанности по готовке на любовницу.

Как большинство современных девушек, воспитанных реалити-шоу, советами матерых хищниц, регулярно печатающихся в глянце, она думала, что может легко переделать мужика «под себя». Стервы из журналов наперебой утверждали: мужчина по своей сути примитивен,

как младенец, и сделает все, стоит показать ему грудь. А уж потом из этого материала можно лепить что угодно, хоть вазу, хоть горшок.

Она следовала советам, но материал становился все черствее и черствее, и лепить из него почему-то не получалось. В последнее время Алексей вообще сильно уставал, возвращался с мешками под глазами, и Лика сокрушенно думала, что это пришла старость.

— Лешик, как ты вообще можешь это хотеть? — ужасалась она, когда разговор заходил о котлетах, а потом, подкатившись ему под бочок, вкрадчиво добавляла: — Хочешь, я роллы закажу? Или, может, сходим в ресторан? Мне Машка говорила, на Ермака открылся шикарный кабак. Даже лебеди плавают. Давай сходим, Леш? Поужинаем, а потом дома будет все, как ты любишь...

Последние слова она говорила с придыханием, блудливо играя глазами, и даже пальчиком шевелила по голому животу любовника, представляя, как его это заводит. Странно, но на сей раз почему-то ничего не сработало.

— Иди ты в пень, — невежливо ответил Алексей, не реагируя ни на тон, ни на точечный массаж. — Я сегодня весь день на стройке проторчал не для того, чтобы срываться и куда-то ехать. Ты можешь понять, что я устал, я хочу жрать, а потом я буду спать, потому что завтра мне вставать в пять утра и тащиться в аэропорт.

— Но, Леш, я же рассчитывала, что мы куда-то поедем, — обиженно всхлипывала Лика. — Мы и так нигде не бываем. Ты не понимаешь, как мне тоскливо сидеть и ждать, пока на твоей долбаной стройке закончатся все дела?

На самом деле Лика нисколько не страдала от его отсутствия, таскалась по магазинам, ходила в кино или

кафе, сплетничала с подругами, но таковы были правила игры. Примитивный мужлан должен знать: она тоскует — и, естественно, компенсировать ей... неудобства.

— Я на этой долбаной стройке работаю, чтоб ты знала, — ехидно ответил Алексей. — Чтобы ты могла время от времени покупать себе всякую хрень. А если тебе скучно, иди работать.

— Работать?

Ли́ка в ужасе захлопала ресницами. Нет, нет, только не работа! Ее глаза заволокло слезами, и она начала тихонечко подвывать, а потом и вовсе с ревом упала лицом в подушку, надеясь, что это жестокое чудовище не выдержит и начнет утешать свою милую. Алексей покряхтел пару минут, зло пробурчал себе под нос что-то нечленораздельное и ушел на кухню.

— Мне дадут в этом доме пожарить или нет? — заорал он.

— Я тебе не служанка. Хочешь есть — сам и готовь, — приподняв голову, гордо сказала сквозь всхлипы Ли́ка.

Алексей матерно выругался. Скоро на кухне загремела сковородка, а потом до ноздрей Ли́ки донесся запах яичницы.

— И посуду за собой сам мой! — крикнула она, чтобы продемонстрировать, как сердита. На кухне снова что-то грохнуло.

«Ничего, дорогой, — злорадно подумала Ли́ка, — ты ко мне сегодня еще подкатишь, попросишь сделать тебе приятно. И мы посмотрим, во что тебе это выльется»...

Ли́ка долго строила планы, будучи уверенной в собственной силе. Она продумывала, как бы сделать его виноватым, потому что виноватый мужчина гораздо щедрее. Вот, например, жена заместителя Алексея ходит

в шикарном полушубке из щипаной норки. Лике очень хотелось такой, потому в этот вечер она решила дуться изо всех сил.

Пока она, полулежа в пустой комнате, демонстрировала стенам свое настроение, на кухне вилка методично скребла по сковородке. Лика считала, что есть вот так — не комильфо. Отвлекаясь от этого ужасного звука, она представила, как хорошо будет выглядеть в новой шубке, прогуливаясь по улице от бутика к бутику. С неба будет падать снежок, а ее волосы, закрученные в салоне изящными локонами, будут струиться по серому меху и развеиваться на ветру. Мужчины будут оборачиваться вслед, а женщины завистливо поджимать губы.

Красивая картинка. Лика вообще любила все красивое.

Алексей вернулся через полчаса и бухнулся рядом. Лика, полусидя в кровати, хмурилась изо всех сил. Скрестив руки на груди, она ожидала слов примирения, робких прикосновений, от которых собиралась отшатнуться с отвращением.

Вместо потока извинений Лика услышала храп.

Она пыталась воспитывать Алексея еще несколько дней: бродила по дому надутая, пулей вылетала из комнаты, когда туда входил он, демонстративно плакала у него на глазах и, естественно, ничего не готовила, ожидая, пока до этого чурбана дойдет: феи не занимаются домашним хозяйством.

Чурбан на ее действия никак не реагировал, ужинал привезенной с собой едой, а в постели до тела не дотрагивался, хотя его желание Лика чувствовала как никогда. Так что было непонятно, кто кого воспитывает.

Возможно, эта битва затянулась бы надолго, но жена зама — Алла Зуева, с которой Лика вела негласную войну, как Эллочка-людоедка с заносчивой Вандербильдихой, — выложила в Инстаграме несколько фотографий спортивной «Ауди», подаренной любящим мужем. По забыв о ссоре, Лика за завтраком намекнула Алексею, что тоже хочет машину.

— Не заработала, — буркнул он, всухомятку жуя бутерброд. — У Витьки жена, между прочим, и на работу ходит, и детей воспитывает, и готовит лучше любого шеф-повара. Я тебе вчера деньги оставил, куда ты их дела?

— На маникюр ходила, — растерянно ответила Лика. — А что?

— Десять косарей на маникюр? Тебе что, египетские рабы золотыми ножницами его кромсали?

— Да что ты орешь на меня? — воскликнула Лика. — Что я тебе такого сделала?

Алексей раздраженно отодвинул чашку с чаем и зло сказал:

— То-то и оно, что не сделала. Ни хрена. Ты что, милая, думаешь, в сказку попала и сейчас павлины полетят? Хрена лысого!

— То есть я для тебя мало делаю? — прищурилась она, моментально обозлившись. — Ну так вперед и с песней, Леш. Я без машины обойдусь. А ты теперь сам себя развлекай, пока мозоли на руках не натрешь, понял?

— Как не понять, — кивнул он, и его голос Лике не понравился. — Только зачем же руки портить? Можно ведь нанять специально обученных людей. Дешевле выйдет, кстати...

Это было уже чересчур. Лика умчалась в спальню с рыданиями, надеясь, что этот грубиян поймет, как обидел ее, и придет извиняться, но вскоре дверь хлопнула. Грубиян ушел, даже не подумав просить прощения.

Прорыдав с полчаса, Лика еще долго лежала в постели. Старательно жалея себя, она уже поняла, что проиграла. Фее опалили крылья и разжаловали в посудомойки.

Оттягивать неизбежное и дальше было невозможно. Она нехотя встала и отправилась на кухню. Навыков готовки у нее не имелось, оттого курица была нарублена щедрыми кусками, словно ее взорвали, крошить лук аккуратными кубиками вообще не вышло, но это простительные мелочи. Мучаясь от непривычного труда, Лика клятвенно пообещала отыгаться.

Вечером Алексея ждали немудреный супчик и целая сковорода жареной картошки. И хотя суп был слегка недосолен, а картошка чуть-чуть подгорела, он поужинал. Правда, хвалить не стал, разве что в постели забрался на нее без всяких изысков и прелюдий.

Снизошел-таки...

Шубу он ей купил примерно через месяц, когда она впервые приготовила вполне съедобный кулинарный кошмар, почему-то называемый «мясом по-французски», который сама попробовать не отважилась.

На новогодней вечеринке Алексей похвастался, что Лика теперь заправский повар. Правда, прозвучали его слова с заметной издевкой, и Лика это слышала. Хуже всего, что это слышала и «заносчивая Вандербильди-ха», стоящая рядом с бокалом шампанского. Алла покосилась на Лику и снисходительно попросила рецепт.

Это была не единственная неприятность. Чуть позже Лика услышала, как Алексей, изрядно пьяный, обсуждает ее с Виктором Зуевым, и в голосе любовника нет ни единой ноты восхищения.

— Я, конечно, понимаю, что она старается, но как вижу ее — и хочу прямо уе... с ноги. Ну как можно такой быть?

— Лех, девочка старается, чего ты? — успокаивал Виктор.

— Да знаю, но, блин, иногда это просто невыносимо, понимаешь? Не-вы-но-си-мо! Честное слово, я ценю, и все такое, но от ее стряпни я скоро заработаю либо гастрит, либо пищевое отравление. Ну как можно быть такой неумехой? Она ведь почти деревенская, от сохи... Ольга, бывало, с закрытыми глазами могла три блюда сразу приготовить, на автопилоте, и еще при этом консультации по телефону раздавать, помнишь?

То, что она, оказывается, от сохи, Лике не понравилось, поскольку она всеми силами старалась искоренить свое пролетарское происхождение. Скрытая высокой колонной, она прокралась ближе и прислушалась.

— Помню, Лех, — сказал Виктор с горечью. — Я все помню. Пирог ее эти... Алка моя, как ни пытается, не может такие сделать, чтоб во рту таяли...

— Куда все делось, Вить? — глухо спросил Алексей. — Это ведь кошмар какой-то, жить и все время сравнивать, правда? Скажи, кошмар, да?

Виктор благоразумно промолчал.

Сравнений с бывшей Лика не терпела, а ее саму ненавидела всеми фибрами души, и не только потому, что Ольга постоянно маячила на горизонте черной тучей.

Спустя каких-то несколько недель Лика исполнила свое желание отомстить, но, к ее величайшему огорчению, сделать это чисто не получилось. И теперь бывшая жена Алексея знала то, чего знать не должна, и в любой момент все могло выползти наружу гремучей змеей, погубив надежды на счастливую жизнь.

По казарме в дикой панике носились ротный писарь и старшина, в то время как командир роты отдувался в штабе «на ковре» у комбрига. Шутка ли! С поста сбежал солдат, да не просто так, а с оружием и боекомплектком. До этого «на ковре» уже побывали начальник караула, дежурный по части и весь состав срочников, дежуривших вместе с рядовым Лыткиным.

Особисты, надзиравшие за обыском в казарме, мрачно рассматривали, едва ли не обнюхивали, каждую вещь дезертира, заглянув даже в футляр с зубной щеткой. Наконец старший, затянутый в камуфляж без знаков отличия, вошел в канцелярию и спросил у перепуганного писаря:

— Лыткин ваш давно письма из дома получал?

Звали старшего Андреем Волиным, но представляться он не стал. Во-первых, чести много, чай не начальство, а во-вторых, проштрафившиеся в таких случаях начинали суетиться, выбалтывая много лишнего.

Писарь, худой, бледный, с запавшими глазами, пожал плечами.

— Да какие сейчас письма? По журналу, конечно, можно глянуть, но... СМС мы не отмечаем, это же нереально...

Вытащив из ящика расшатанного стола тощую тетрадку, писарь быстро пролистал несколько разлинованных

страниц, а потом, ведя грязным пальцем по строке, ответил:

— Давно. Последнее письмо датируется сентябрем. А, вот еще... Но это не письмо, а посылка. Да, точно, я помню, как включал его в список выходящих за пределы части. Но это тоже давно было, в октябре.

— Посылка? — заинтересовался Волин. — А где ее вскрывали? Здесь или на почте?

— Здесь, конечно. Они с дежурным ходили, тем еще жучарой... В смысле, при нем лучше было не вскрывать, как пить дать, переполовинил бы. Тем более что Лыткин тогда еще «душара» был...

— Список полученного есть?

— Не, — помотал головой парень. — Мы это не фиксируем.

— А посылки вскрывают в присутствии офицера?

— Да когда как, — ответил солдатик. — Если офицер на месте, то при нем, ну а если нету, значит, сами по себе.

— Тогда как было?

Писарь наморщил лоб, сдвинул на лоб форменную шапку и, почесав от усердия затылок, закатил глаза вверх.

— Вообще, если я правильно помню, посылку тогда тут вскрывали, на моих глазах. Да, точно, старшина проверял... Позвать?

— Зови, — хмуро приказал Волин и поглядел в окно.

Поясницу ломило, и спать хотелось невыносимо, верный признак повысившегося давления. Значит, скоро погода испортится. Организм всегда так реагировал на резкие перепады температуры или снегопад, что в феврале было делом привычным. Не сбеги из части этот урод Лыткин, Волин сейчас заперся бы в своем кабинете

и продремал до обеда, а потом с чистой совестью пошел бы в служебную квартиру, наказав дежурному отвечать «Товарищ майор где-то на территории», завалился бы на диван и остаток дня паялся бы в телевизор.

До сегодняшнего происшествия делать особо было нечего, разве что план выполнять по поимке «расхитителей социалистической собственности», как говаривал незабвенный комик. А когда план выполнялся плохо, на склады отправлялись провокаторы с вкрадчивыми голосами, упрасивающие кладовщиков продать им камуфляж, топливо и продукты. Кладовщики, наученные опытом, на крючок ловились редко, разве что молодые и необстрелянные желторотики, и провокаторам приходилось идти дальше, выискивая продавцов стройматериалов и цветного металла. Рано или поздно нарушители находились. Что делать? Солдат всегда голоден и за бутерброд с удовольствием продаст все, что плохо лежит, включая Родину.

В канцелярию в сопровождении писаря вошел старшина, кряжистый мужик с красным лицом алкоголика, явно с похмелья, бросающий на своего подчиненного злобные взгляды, но Волин не обратил на это никакого внимания.

— Вы посылку Лыткина вскрывали? — спросил он.

Старшина скривился, точно у него болел зуб.

— Вроде бы...

— Так вроде бы или вскрывали?

— Ну, вскрывал. Так это когда было!

— Что ему прислали?

Старшина, как недавно писарь, почесал затылок, а потом раздраженно пожал плечами:

— Да не помню я. Наверное, ничего такого. Водки точно не было, иначе я бы отобрал и запомнил это... Вадька, что в посылке лежало?

— Жратва какая-то точно, — ответил писарь. — Кажется, еще носки шерстяные, сигареты... Но, действительно, ничего такого... А, мобильник был.

— Точно?

— Так точно, был. У него в учебке старый мобильник тиснули, ну, мать новый и прислала.

— Номер знаешь?

— Нет, но могу спросить. Кто-то из пацанов звонил по его сотовому, так что наверняка помнят.

— Давай, пулей! — гаркнул особист, и писаря тут же вымело за дверь.

Старшина недоверчиво посмотрел на Волина, а потом, нервно кашлянув, спросил:

— Что, пока никаких следов?

— Да где там... В поселке вашего бегуна не видели, на станции тоже. Может, прячется где-то на дачах или добрался до трассы и уехал на попутке.

— Кто бы его подобрал среди ночи?

— Кто угодно. У него четыре рожка с патронами. Остановил любую машину и укатил. А потом еще водителя грохнул. У него права были?

— Не знаю, — нервно ответил старшина. — Надо у Вадьки спросить. У него все записано.

— Ты, блин, старшина или хрен с горы, а? — не сдержался Волин. — Что ты вообще знаешь? У тебя солдат сбежал с полным боекомплектом, и, похоже, вся рота на писаре держится, а ты стоишь тут, яйца чешешь... Како-

Літературно-художнє видання

ЛАНСЬКОЙ Георгій
Право останньої ночі
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 12.02.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 14,28. Наклад 5500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ЛАНСКОЙ Георгий
Право последней ночи
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 12.02.2019. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 14,28. Тираж 5500 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Після смерті сина Ольга й Олексій майже не спілкувалися. Усе нагадувало про минуле, яке не хотілося згадувати. Чоловік і дружина стали зовсім чужими. Але за волею випадку Ольга й Олексій знову опиняються разом: у покинутому будинку, рятуючись від несамовитої лютневої бурі. Сам на сам зі стихією. Сам на сам з невисловленим болем. І кожен боїться зробити крок назустріч. Але ще не пізно. Кожен має право на помилку. І кожен має право її виправити. Тільки якою ціною?

Ланской Г.

Л22 Право последней ночи : роман / Георгий Ланской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 272 с.

ISBN 978-617-12-6081-8

После смерти сына Ольга и Алексей почти не общались. Все напоминало о прошлом, которое не хотелось вспоминать. Муж и жена стали совершенно чужими. Но волей случая Ольга и Алексей снова оказываются вместе: в брошенном доме, спасаясь от лютой февральской бури. Один на один со стихией. Один на один с невысказанной болью. И каждый боится сделать шаг на встречу. Но еще не поздно. Каждый имеет право на ошибку. И каждый имеет право ее исправить. Только какой ценой?

УДК 821.161.1